Вайсс перевернулась в спальном мешке, стараясь сдержать дрожь. Она была не так уж и далеко - всего метр или около того, буквально на расстоянии вытянутой руки. И всё же, это ощущалось так, словно между ней и её командой находилась пропасть в тысячу километров. Они были там, а она - здесь, всё в соответствии с холодным образом, с которым она приехала в Бикон. Её волосы были распущены, она была одета в свою старую белую ночнушку, находясь в таком же белом спальном мешке с логотипом Шни. Она чувствовала себя изолированной - её окружал ледяной панцирь, искажающий и перекрывающий образы её друзей, держа её кристаллической тюрьме, как муху в янтаре.

Она не могла поверить, что когда-то добровольно придерживалась такого образа жизни, считая его признаком превосходства, безопасности.

Жон находился в противоположной стороне от них и смотрел на двери едва заметно прищуренными глазами. Вдвоём они могли вести достаточно эффективное наблюдение, даже учитывая ограниченность их поля зрения из-за необходимости притворяться спящими. Она беспокоилась за него - мысль о том, что ей пришлось бы делать вид, будто она не знает Руби, Блейк, Янг, не давала ей покоя. Она не могла представить себе подобного, и могла только вообразить, насколько тяжелей сейчас приходится Жону, ведь Пирра умерла.

«Блейк и Руби падают в пустоту, не в силах даже крикнуть, когда им отрезают путь наверх, и они падают вниз, слишком далеко, слишком быстро, темнота накрывает их прежде, чем она успевает наложить свои глифы, оставляя после себя только Гэмбол Шрауд...»

Вайсс закашлялась и зажмурила глаза, стиснув пальцами края спального мешка. Этого не произошло. Этого не произошло. Она и её команда были вместе, даже оказавшись в этом странном незнакомом мире, даже лишившись привычного уклада вещей, они всё ещё были друг у друга. Она их не теряла… они вместе. Вместе. Она всегда может положиться на свою команду.

Даже если забыть про её обязанности дежурить, она боялась уснуть. А вдруг она проснётся и окажется, что ей всё это привиделось? Она слышала, что больные и умирающие видят прекрасные сны… неужели это всего лишь сон? Безжалостный, райский сон, в котором Бикон был цел, а все, кого она потеряла, снова были живы? Просто проснуться от такого сна было бы достаточно, чтобы полностью разбить ей сердце, уничтожить душу и окончательно её сломать. Она была готова спать вечно, лишь бы остаться здесь, с ними, со своей командой, со своей семьёй. Вот настолько эгоистичной и избалованной девочкой из Атласа она была, готовая отказаться от любых шансов вернуться в реальный мир… мир, который вполне может быть обречен без них… лишь бы остаться со своими товарищами по команде.

Вайсс не могла смириться с мыслью, что, открыв глаза, она увидит себя падающей в бесконечную пустоту.

Одна.

Все её песни в Атласе были про одиночество, и если Неополитан осмелиться показать здесь своё паршивое, прикрытое иллюзиями лицо, то эта мерзавка стократно пожалеет об этом. Она сделает то, чего не смогла в Центральном пункте, и будет защищать своего напарника и команду. До смерти, если потребуется. Возможно, Неополитан и двигала жажда мести, но на стороне Вайсс была ледяная ярость и чувство собственничества.

Ей было наплевать на так называемую мотивацию Неополитан и её желание спасти жизнь Торчвика. Вайсс не могла терпеть людей, которые сознательно игнорировали такие простые

истины: Бикон - единственное, что защищало Вейл, а у преступников были здесь свои территории, так что Неополитан, намеренно или нет, уничтожила свой собственный дом. Неужели она думала, что тот, кто был настолько безрассуден, чтобы разрушить Академию Охотников, остановится на этом? Неужели она думала, что им с Торчвиком удастся выйти сухими из воды и залечь на дно?

Они беспокоились лишь о собственном выживании, и если это требовало пожертвовать жизнями всех остальных, то они с радостью пошли бы на эту сделку. Вайсс презирала подобных людей. Её отец был таким.

Этот самодовольный плут Торчвик вёл себя так, словно считал весь мир своей сценой, и наверняка думал, что для любого, кто не встанет на сторону Синдер… а значит и Салем… это будет финал их пьесы. Однако всё, чего он достиг, это лишь поставил себя в конец очереди на казнь, не имея права что-либо возразить… как и Неополитан. Если он хотел быть на стороне тех, кто уничтожит мир, то это его решение. Он взрослый человек, который сделал свой выбор, и будет нести за него ответственность. Живи мечом и умри от меча, а такие преступники, как он, жили моментом и ради острых ощущений, связанных с их незаконно нажитым имуществом.

Если весь мир - театр, а Торчвик хочет его сжечь… что ж, по мнению Вайсс, ему лучше уйти со сцены.

Она вздохнула и разжала пальцы. Даже после стольких лет, проведённых с Блейк, взгляды, взращённые в ней в Атласе всё ещё давали о себе знать. Эмоции не всегда поддаются логике, а преступники вроде Неополитан не имеют привычки признавать свою вину. Она и Торчвик имели полное право размениваться жизнями несчастных жителей Вейла во время Падения Бикона, и любое возмездие со стороны Руби, даже в порядке самозащиты, являлось для них несправедливостью. Именно это и питало жажду мести Неополитан - потеря Романа Торчвика, кем бы он для неё ни был, и мнимое преступление Руби, имеющей косвенное отношение к его смерти. Поскольку Неополитан он был не безразличен - его смерть являлась несправедливой, и поскольку Руби при этом присутствовала - это была её вина, а не… ох, она даже не знает… например, его, за участие в этой резне. Ни он, ни Неополитан не могли быть настолько глупы, чтобы не ожидать какого-либо возмездия за их действия.Аргх. Хватит уже думать об этой парочке.

Вайсс сосредоточила внимание на окружении, прислушиваясь к шуму тихих разговоров студентов, которые ещё не ложились спать, шороху чужой одежды, редким зевкам и кашлю. Непривычно, очень непривычно было снова осознавать себя такой юной, рядом с окружающими её такими же молодыми людьми. Они дети, а она была… раньше была… Охотницей с лицензией. Она прошла через такое, о чём эти наивные подростки даже подумать не могли, и всё же она была здесь, вместе с ними, ожидая завтрашней инициации, как и все остальные.

Она гадала, что принесёт завтрашний день, если они доживут до него, если не придёт Неополитан и они не ввяжутся в бой. Смогут ли они с Руби объединиться, не вызывая подозрений? Будет ли вновь создана команда RWBY? А как быть с командой JNPR, в которой только один член знал о грядущем мрачном будущем? Жон был так же одинок, как и она – его лишили его команды, и никто, кроме друзей, не мог помочь ему справиться с этой потерей. Пирра, Нора, Рен - они больше не были теми, кого они когда-то знали. Кожа Норы была бледной, без единого шрама, и с того момента, как Вайсс увидела её в другом конце комнаты, она не излучала ничего, кроме безграничной жизнерадостности, не сдерживаемой ни болью утраты, ни горьким жизненным опытом. Рен был тих и сосредоточен, но в нём не было той уверенности и умиротворения, которые он обрёл после стольких потрясений, не было того

понимания, которое даровал ему пережитый опыт. А Пирра…

Пирра…

До рассвета ещё много времени. Вайсс напряжённо лежала, отмечая, как проходят часы и звуки сонных разговоров постепенно начинают стихать, когда все, кроме самых беспокойных студентов, отправляются спать, а те, кто так и не смог заснуть, будут молча смотреть в потолок, волнительно ожидая наступления завтра.

Слева от неё раздался шорох.

Вайсс распахнула глаза, медленно поворачивая голову, как будто ворочаясь во сне. Её рука опустилась под расстёгнутый край спального мешка, где лежал Миртенастер.

Затем она расслабилась, поняв, что это всего лишь Руби, тихо шаркающая в своём спальном мешке, когда она ползла как гусеница прямиком к Вайсс… этот процесс осложнялся тяжёлым весом Кресент Роуз, сложенной внутри.

— Что ты творишь? — прошипела Вайсс, и Руби улыбнулась, устраиваясь рядом с ней.

— Смена дежурства, — пробормотала она, слегка ёрзая, чтобы устроиться поудобнее перед тем, как затихнуть. — Жон уже спит… или, по крайней мере, пытается.

— Угу, — тихо согласилась Вайсс. Они уже занимались ночным дежурством, когда путешествовали по Мистралю… это нелегко, добровольно ослабить бдительность и доверить следить за обстановкой другим. Ты вверяешь свою жизнь в их руки, и подобные мысли легко заставляют тебя потерять сон.

Но они всё ещё были его друзьями. Жон когда-то был частью команды RNJR, и, помимо доверия к товарищам, как бы цинично это ни звучало, играет тот факт, что если Неополитан действительно придёт, то её единственной целью, скорее всего, будет Руби. У Жона не было причин опасаться нападения лично на него. Остальные из них являлись лишь сопутствующим ущербом, потому что непременно встали бы у Неополитан на пути, пытаясь защитить товарища, а не из-за того, что она тоже хотела им отомстить.

http://tl.rulate.ru/book/99754/3438092